

Королева Инна Александровна
доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка
Смоленского государственного университета
e-mail: innakor@mail.ru
УДК 811.161.1'373.232

**Лингвокультурологический анализ писем А.Т. Твардовского к А.В. Македонову
(по материалам личного архива Маргареты Томпсон, переданного в дар
Литературному музею Смоленского государственного университета)**

Ключевые слова: *А.Т. Твардовский; Ф.В. Македонов; личное письмо; специфика эпистолярного идиостиля; лингвокультурологический анализ.*

Аннотация. В статье на материале личных писем великого русского поэта А.Т. Твардовского к известному литературному критику А.В. Македонову с помощью лингвокультурологического анализа сделана попытка выявить специфические черты идиостиля поэта, показать, как в эпистолярном дискурсе проявляются особенности отношений между коммуникантами. Используются тексты писем из архива Литературного музея Смоленского государственного университета, присланные из США Маргаретой Томпсон, известной американской исследовательницей творчества А.Т. Твардовского.

Частное письмо – тип эпистолярного текста, включающий в себя семейные, частные деловые письма, дружескую и любовную переписку; они обычно не предназначены для публикации, но зачастую, если связаны с известными деятелями культуры, издаются, так как представляют собой тексты, принадлежащие носителям элитарной речевой культуры, то есть, по словам лингвистов, людям, «обладающим истинным мастерством владения языком, всем его богатством при соблюдении всех правил и ограничений» [с.228].

В свете концепции Ю.Н. Караулова [3, с.206] для выявления лингвокультурологических характеристик эпистолярного дискурса, особенностей эпистолярного идиостиля языковой личности можно рассмотреть следующие языковые и речевые единицы: 1) на семантическом уровне – те языковые единицы, которые свидетельствуют о том, что эпистолярный дискурс представляет собой письменную форму разговорного стиля; 2) на лингвокогнитивном уровне – ключевые слова (имена концептов, в том числе и имена собственные), которые являются высокочастотными в анализируемом материале, индивидуально-авторские их представления в письмах; 3) на мотивационном уровне – содержащиеся в письмах речевые акты, их характеристики, важные для выявления особенностей идиостиля языковой личности.

Несомненно, комплексный анализ языкового и речевого материала эпистолярного дискурса даст возможность представить изобразительно-выразительные средства русского частного письма, характеризующие языковую личность пишущего. Также появляется возможность описать эпистолярный этикет, его особенности, характерные именно для конкретного автора писем в свете общего эпистолярного этикета.

Материалом нашего исследования послужили частные письма 60-х гг. 20 в. великого русского поэта А.Т.Твардовского к его другу, соратнику, человеку, который в течение длительного времени активно сотрудничал с Александром Трифоновичем, – известному критику и публицисту советского времени Адриану Владимировичу Македонову. Письма хранятся в архиве Литературного музея Смоленского государственного университета, были подарены музею в 2010 году, в год столетнего юбилея Твардовского, доктором философии,

американским профессором Маргаретой Томпсон, известной в литературных русских и американских кругах исследовательницей творчества мастера слова.

Языковая информация в эпистолярной А.Т. Твардовского на разных уровнях позволяет раскрыть черты его языковой личности, выявить на лингвокультурологическом уровне специфику отношений между Твардовским и Македоновым. Мы продолжаем изучение творчества А.Т.Твардовского[4], рассматривая особенности эпистолярного дискурса.

Начнем с обращений, то есть этикетных эпистолярных формул.

Так, Твардовский обязательно обращается к Македонову «Дорогой» и по имени и отчеству. В письмах 60-х гг. XX в. на разные темы – о литературном творчестве, о дружеских встречах, в поздравительных посланиях – единый стандарт, который свидетельствует о двух моментах: передаёт дружеское, корректное отношение к критику и одновременно показывает, что существует некоторая дистанция в общении.

Довольно близкие, дружеские и творческие контакты подчеркивает также постоянное употребление личного местоимения «ты» и притяжательного местоимения «твой»: «Твое письмо получил» (16 апреля 1959); «Желаю тебе всего доброго» (18 декабря 1964); «Ты толкуешь о нем слишком завышено» (23 июля 1964); «Спасибо тебе за заботу» (21 ноября 1960) и пр.

Этикетные формулы прощания несколько более разнообразны: «Будь здоров и весел» (18 декабря 1964); «Будь здоров и бодр» (16 апреля 1959); «Желаю тебе всего доброго» (13 января 1964); «Желаю всего доброго» (21 ноября 1960); «Жму руку» (12 декабря 1960); «Желаю здоровья» (1 апреля 1963). Это обычные стереотипные фразы дружеского общения.

О более близких и доверительных отношениях свидетельствуют частые поклоны жене Македонова: «Спасибо тебе и Р.А. за доброе сочувствие» (23 июля 1964); «Привет мой Раисе Абрамовне» (30 марта 1964); «Привет мой Р.А.» (18 декабря 1964); «Поклон супруге» (6 июля 1963) и др.

Указывают на постоянный творческий контакт и желание этого контакта также многие концовки писем: «Не собираешься ли в Москву?... Пиши...» (6 июля 1963); «По возвращении – позвони в редакцию или домой, м.б. застанешь, увидимся хоть накоротке» (18 декабря 1964); «Будешь в Москве – сигнализируй» (16 апреля 1959); «Но так или иначе – пиши» (12 декабря 1960); «Пиши, когда есть настроение» (23 июля 1964); «Будешь в Москве, звони, заходи» (1 апреля 1963).

Подписи писем имеют варианты: А. Твардовский; А.Т. Твардовский (при напечатанном на машинке письме личная подпись); А.Т.; Твой А.Т.; А. Твардовский (подпись при напечатанном письме личная); Твардовский (в телеграммах). Как видим, подписи дружеские, но все же свидетельствуют об определенной дистанции в коммуникации.

О близких и доверительных отношениях Твардовского и Македонова говорят некоторые личные факты, содержащиеся в письмах: «Сегодня вернулся из Барвихи и перевез М.И. из больницы» (16 апреля 1959); «Спасибо тебе за сообщение, за 4р. 50к., за все иное, куда более ценное для меня» (30 апреля 1964?); «Будешь в Москве, покажу кое-что, от чего твоя лысина взопреет» (23 июля 1964); «М.И. в больнице, скоро переедет сюда» (30 марта 1964).

С профессиональной стороны информация писем интересна оценками Твардовского некоторых известных людей из писательского мира, и он откровенно делится с Македоновым этими оценками: «...из Италии, вернее, Сицилии, где, между прочим, вручалась премия А.А. Ахматовой, с которой я там и познакомился, – великолепная старуха» (18 декабря 1964, Твардовский пишет после возвращения из Италии); «Я не разделяю твоих апологетических сближений этого поэта (речь идет о Заболоцком – И.К.) с Тютчевым и Баратынским (хотя, конечно, он обоих читал внимательно), и в этом смысле мы еще должны будем кое-что «унять» в тексте статьи, – это делает сейчас Дементьев, – но она у нас непременно пойдет в первой половине 61 года» (7 октября 1960); «О Маршаке и о многом другом ты судишь верно, тонко и проникательно, а вот о Гитовиче, воля твоя, ты толкуешь слишком завышено. Стихи его – и те, что раньше, и эти («Циклон» и «Поэзия»), прости меня, я напечатать не могу при всем искреннем моем желании сделать приятное ему и тебе.

Может быть, у нас печатаются и плохие стихи (конечно же!), но ведь тут речь идет не о начинающем, не о дебютанте. Ты скажешь: Степка Щипачев, верно, не спорю, но он уже нечто привычное, он не открытие, а тут нужно вдруг открывать Гитовича, а ради чего открывать?... В 8-й книжке обрати внимание на стихи некоего Алексея Прасолова, – не то чтобы уж бог весть что, но очень серьезно, не игрушки. И автор – человек молодой, но уже знающий по чем фунт лиха и, смотри, никаких слюней и нюней» (23 июля 1964).

В этом же письме оценка творчества Маршака, уход которого из жизни тяжело переживал Твардовский: «Он не был наделен избыточным даром, но он сам в себе его развил трудом, неотступной прилежностью и сосредоточенностью на оном. Правда, эта крайняя профессиональная сосредоточенность приводила и к известной ограниченности: он мало был озабочен к примеру крутым подъемом сельского хозяйства и полагал, что при всех обстоятельствах самое важное строчить, подгонять, выравнивать и шлифовать строчки. Но я ни одного слова против правды не сказал о нем даже в речи у гроба, которую по живой записи напечатали в «Литгазете»; «Не помню, читал ли когда-нибудь рекомендуемый тобою рассказ И.А. Стина, но согласен, что автор – человек талантливый и воспитанный на хороших литературных хлебах (Тургенев, Чехов, Бунин)» (21 ноября 1960); «На твою книжку я заказал рецензию А. Туркову, он сделает это хорошо – по горячим следам обсуждения книги. Статью о Заболоцком, конечно, дадим, но будем строги в отношении совпадений текста ее с книжным» (12 декабря 1960); «Я согласен с тобой в оценке таланта А. Солженицына, но умоляю тебя – не кидайся ты где попало такими титулами как «великий» и т.п. Уже в печати промелькнуло, что некий Македонов назвал А.С. «гениальным». Нужно считаться и с предрассудками. Зачем невольно бросать тень предубеждения против действительно редкостного таланта»; «Я согласен с тобой и относительно понимания главного в рассказе «Матренин двор». Я уверен, что «нравственное изящество» (выражение Щедрина) одной этой Матрены намного выше нравственных начал целых двух секретарей обкомов из романа Кочетова». Сохранился текст телеграммы о статье Заболоцкого: «Воркута Рудник Набережная 4 кв 7 Македонову Высылай статью Заболоцком также Смоленскую для меня привет Твардовский». Телеграмма послана из Москвы 3 июня 1960 года.

А. Македонов прислал в «Новый мир» неизданные стихи О. Мандельштама. Твардовский отвечает, что публиковать разрозненные небольшие «осколки», фрагменты, порой совсем невнятные, нецелесообразно, так как выходит в свет книга стихов Мандельштама в «Библиотеке поэта», и лучше дать на нее отклик, а если потом «будет случай опубликовать кое-что и из этих вещей, оставшихся за пределами книжки», то, естественно, это будет сделано» (13 января 1964).

Твардовский делится с Македоновым многим личным. Так, он пишет: «Насчет интервью, бог с тобой, ты сказал по непониманию некоторых вещей из-за длительного твоего заграничного пребывания. ... Новый лит. жанр – писем земляков – к сожалению, продолжает развиваться. При этом земляки настолько поднатрели в нем, что уже ясно и четко формируют различие частного факта и «обобщения». Вот до чего дожили, что уже фактов любых (единичных) не боимся, а выдумки страшимся как черт ладана. Грустно, но бог правду видит и шельму метит. «Литгазета» попала в щекотливое положение, когда ей пришлось объясняться с земляками некоего Иншакова (он же, конечно, и есть земляк)» (6 июля 1963); ««Уходить» я не собираюсь, уже по одному тому, что не хочу доставлять столь великого удовольствия доброжелателям «Нового мира». Другое дело, если «уйдут», – тогда совесть не будет мучить. Только прямое понуждение к бесчестному делу заставило бы меня самого уйти. Но такого понуждения, слава богу, я не могу себе даже представить» (1 апреля 1963).

В письмах Твардовского реализованы многие лингвокультурные концепты русского эпистолярного дискурса [1, с.17-18]. Это постоянные, как бы «вневременные» концепты: «письмо», «здоровье», «дом», «праздник» [2, с.168]. Не представлены концепт «погода»,

«грех», возможно, потому, что Твардовский не занимался нравоучениями и не тратил время на сетования на погоду.

Раскроем, например, содержание концепта «письмо». Во многих письмах отмечены следующие ситуации, представленные посредством высказываний со словом «письмо»: сообщение о получении автором письма адресата или третьего лица (что реже); об обстоятельствах получения письма адресата автором или письма автора адресатом; о написании или отправке автора адресату; о содержании писем автора, адресата или третьего лица (очень редко); об эмоциях, которые испытал автор при прочтении письма адресата; о причинах написания или завершения письма автора адресату; о том, что эпистолярный не может заменить непосредственного общения; просьба об ответном письме; просьба о личном общении; благодарность за письмо; извинение за опоздание с ответом или за элементы содержания письма; критика автора за содержание письма или какое-либо действие, имевшее место как повод для общения.

Из некоторых писем можно понять, что корреспонденты старались писать друг другу регулярно, но Твардовский в силу занятости писал менее аккуратно: « «Не обижайся, что пишу неаккуратно» (23 июля 1964); «Прости, что отвечаю так нескоро, - такая моя жизнь, что отписать тому, кому хочется отписать, откладываешь день за днем, а отписываешь в первую очередь тем, кому обязан ответить, и нет у меня уже давно таких промежутков, чтобы не висела на душе обязательная почта» (1 апреля 1963); «Прости, пожалуйста, что уже, кажется, на два письма твоих не ответил. Мне уже приходилось объясняться перед тобой в том смысле, что переизбыток обязательной переписки часто делает меня необязательным в отношении эпистолярных связей с друзьями и близкими, потому что всегда кажется, что это дело терпит» (23 июля 1964). Как видим, Твардовский прямо определяет место Македонова в своей жизни и указывает на свои отдельные характеристики.

В концепте «письмо» можно отметить некоторые особенности эпистолярного стиля Твардовского. Так, он пишет своему соратнику, единомышленнику и человеку, который так же, как и писатель, болеет за судьбы русской литературы, поэтому часто письмо начинается сразу же с содержательной стороны ответа и не указывается на получение предыдущего письма или причин, побудивших к эпистолярному акту: «Неизданные стихи Мандельштама, принесенные тобой, мне известны давно, они есть у нас в редакции» (13 января 1964); «Я не помню, читал ли когда-нибудь рекомендуемый тобою рассказ...» (21 ноября 1960); «Статью о Заболоцком я прочел давно и не написал тебе только потому, что считал уже решенным дело, со слов Дементьева, что она идет» (7 октября 1960); «Орфография – бог вещь какая, стишок – так себе...» (30 апреля 1964?). Хотя, естественно, есть письма и с преамбулой переписки, мы их цитировали выше. Чаще Твардовский сетует на свою задержку отправления письма, так как был перегружен перепиской. В содержательной стороне преобладает описание очень конкретных действий литературного процесса; их фиксация свидетельствует о крайней обязательности Твардовского в отношении своих обещаний и дел: «Стихи Мандельштама возвращаю тебе в целостности» (13 января 1964); «Продолжать полемику с «Литературной газетой» мы, конечно, не должны и не будем...» (там же); «В Малаховку я, конечно, не соберусь» (18 декабря 1964); «О лирике Маршака пиши» (12 декабря 1960); «Отвечаю по пунктам» (12 ноября 1960).

В своей переписке с Македоновым А.Т. Твардовский практически не ссылается на письма третьих лиц, а если и комментирует их, то не называя адресатов (например, *земляки*).

Можно отметить также, что практически не дается оценка письма через имена прилагательные: лишь изредка мелькают сочетания «хорошее письмо, мешок хороших писем» (10 апреля 1959).

Коммуникативно-прагматический анализ эпистолярных высказываний в русле лингвокультурологии – это типизированные речевые акты эпистолярного этикета, отражающие и русский менталитет, и особенности языковой личности автора письма[2, с.182].

Так, для Твардовского часто встречаются, как мы уже отметили, ситуации извинения за задержку письма-ответа. Благодарность встречается чаще всего за выражение сочувствия и за оказание помощи в передаче чего-либо, какого-либо предмета или денег. Поздравления обычны с праздниками общегосударственными и носят они далеко не велеречивый характер: «Спасибо тебе и Р.А. за доброе сочувствие» (23 июля 1963); «Спасибо за память и добрые слова о «Геркине»» (6 июля 1963); «Поздравляю тебя и Раису Абрамовну с праздником Нового года, желаю всяческих благ, в первую голову – здоровья. Надеюсь, что Новый год для всех нас не будет хуже старого» (28 декабря 1967); «С праздником первого мая тебя и Р.А. (30 апреля 1964?)»; «Спасибо тебе за заботу о нашем портфеле» (21 ноября 1960).

Стоит отметить, что Твардовский практически не пользуется лексикой с превосходной оценкой – он краток и довольно скуп на похвалу Македонову. Обычны следующие конструкции: «Хорошо, что ты видишь и ту сторону дела, которая...» (30 марта 1963); «Все, что ты говоришь..., удивительно верно» (23 июля 1964); «Написано умно и с любовью» (о статье о Шефнере) (30 марта 1963).

Имеет место оценочная лексика разговорного характера: «Стихи Гитовича, прости меня, просто *плохонькие*» (1 апреля 1963); «*На всякий чох не наздравствуешься*» (13 января 1964); «Сижу здесь над некоей актуальной *статейкой* – не знаю еще, для кого» (Там же).

Приведём разговорные выражения только из одного письма от 23 июля 1963 года: «*воля твоя*», «*к примеру*», «*ходил как бы еще в сыновьях*», «*просто сказать*», «*при всем при том*», «*а тут вдруг и нету*», «*дело терпит*», «*в годах немалых*», «*не сетуй*», «*в 8-й книжке*», «*бог весть что*», «*по чем фунт лиха*», «*никаких слюней и нюней*», «*лысина взопреет*».

Как видим, даже небольшой объем введенного в научный оборот эпистолярного материала позволяет выявить специфические черты дискурса переписки великого Твардовского с его не менее известным соратником и критиком Македоновым. Это действительно письменная разговорная речь элитарной, но одновременно очень близкой народу личности, умного, искреннего человека.

Литература

1. Акимова Т.П. Лингвокультурологические характеристики эпистолярного текста (на материале писем классиков русской литературы XIX – XX вв.): автореф. дис. ...д-ра филол. наук. Волгоград, 2017. 40 с.
2. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: ВГПУ «Перемена», 2002. С. 166 – 205.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: КомКнига, 2006.
4. Королева И.А. Твардовский и Смоленская поэтическая школа: через призму имен собственных. Смоленск: Смядынь, 2010.
5. Хорошая речь / под ред. М.Л.Кормилицыной и О.Б.Сиротининой. 3-е изд. М.: Либроком, 2009.

Источники

Письма А.Т. Твардовского А.В. Македонову // Архив Маргареты Томпсон. Литературный музей Смоленского государственного университета. Ф.52.

I.A. Koroleva

A Linguoculturological Analysis of A.T. Tvardovsky's Letters to A.V. Makedonov (on the Materials of Margareta Thompson's Personal Archive Donated to the Literary Museum of Smolensk State University)

Key words: A.T. Tvardovsky; A.V. Makedonov; personal letter; specifics of epistolary idiostyle; lingvo-culturological analysis.

Summary: On the basis of personal letters of great Russian poet A.T. Tvardovsky to famous literary critic A.V. Makedonov the present article makes a lingvoculturological attempt to single out characteristic features of the poet's idiostyle and to show the ways the epistolary discourse reveals peculiarities of relations between the communicants. The article has used texts of the letters from the archive of the Smolensk State University Literary Museum sent from the USA by Margareta Thompson, a renowned American researcher of A.T. Tvardovsky's literary heritage.